

掌
の
小
説

Ясунари Кавабата

рассказы
на ладони

川
端
康
成

ПОЯВИЛИСЬ

Annotation

Впервые на русском языке отдельной книгой выходят «Рассказы на ладони» знаменитого японского писателя, лауреата Нобелевской премии Кавабата Ясунари (1899-1972). Кавабата писал свою книгу рассказов всю жизнь. Тончайшее понимание того, как устроен человек, рожденный японской культурой, нашло не только международное признание. В Японии ему было присвоено звание «человека-сокровища». Шедевры Кавабата позволили всему миру ощутить, что это значит — родиться японцем.

- [Кавабата Ясунари.](#)
-
-

Кавабата Ясунари.

Цикада и сверчок

Я прошёл вдоль кирпичной ограды университета и упёрся в здание школы. Её двор был окружён забором из белого штакетника. Из пожухлой травы под тёмной кроной отцветшей сакуры слышалось стрекотание. Я чуть замедлил шаг, стал вслушиваться. Желая продлить себе пение цикад, я пошёл вдоль забора, повернул направо, потом налево. За забором была насыпь, обсаженная апельсиновыми деревьями. Дошёл до конца насыпи и тут же заторопился, глаза заблестели: у прямоугольного основание насыпи переливались-блестели разноцветные бумажные фонарики — настоящий праздник в какой-нибудь глухой деревне. Ещё не дойдя до них, я понял, что дети ловят на насыпи цикад.

Фонариков было около двух десятков. Там были и красные, и зелёные, и жёлтые. Один был склеен из бумаги пяти цветов. Другой, маленький ярко-красный фонарик, был явно фабричной работы. Остальные же — простенькие, прямоугольные и прелестные — ребята скорее всего смастерили сами. Для того, чтобы на этой никому не нужной насыпи собралось два десятка ребятешек с их чудесными фонариками, должно было случиться что-то чудесное.

Ну вот, например... Как-то вечером один мальчик услышал, как на насыпи поют цикады. Он купил в лавке красный фонарик и на следующий вечер стал искать их. На другой день к нему присоединился ещё один. У него не было денег, чтобы купить фонарик. Поэтому он взял картонную коробочку, вырезал ножницами в стенках отверстия, вклеил тонкую бумагу. Потом укрепил на дне свечку, подвесил за верёвку. Фонарик был готов.

И вот детей стало уже пятеро, потом — семеро. Теперь они догадались рисовать на бумаге цветные картинки. Потом наши художники сообразили, что в стенках коробки можно прорезать кружочки, треугольнички, листики и даже иероглифы своих имён, заклеивать оконца разноцветными бумажками, которые они окрашивали то в красный, то в зелёный, то ещё в какой-нибудь цвет. Получалось красиво. И вот обладатели красных фабричных фонариков выкинули их на помойку, избавились от своих простецких самоделок и другие дети. Всем казалось, что вчерашний фонарик сегодня уже никуда не годится, и тогда коробка, бумага, кисточка, ножницы, ножичек и клей снова шли в дело — ведь нужно было соорудить ни на что не похожую вещь! Самый удивительный фонарик! Самый красивый! Вот с такими фонариками и собирались дети на свою охоту...

Так я представил себе историю этих детей на насыпи.

Я замер, наблюдая за детьми. Прямоугольные фонарики были разукрашены рисунками из старых книг. Но там были не только цветы, имена ребятешек тоже красовались на фонариках. Исихико, Аяко... Нет, это были особые фонарики, не то, что продаются в магазине. Поскольку их стенку были сделаны из картона, а отверстия — заклеены тонкой разрисованной бумагой, свечной цвет пробивался только в эти окошки. Два десятка разноцветных пятен падали на землю. Дети сидели на корточках и прислушивались к цикадам, которые собрали их вместе.

«Вот цикада! Кому дать?» — вдруг закричал мальчик. Он стоял в отдалении от других детей и рыскал глазами в траве. «Дай, дай!» — сразу несколько ребятешек тут же бросились к мальчику и сгрудились вокруг него, напряжённо вглядываясь в траву. Мальчик стал отпихивать протянутые ему руки, обороняя тот участок травы, где сидела цикада. Левой рукой он поднял фонарик над головой и снова закричал — тем ребятам, которые ещё не услышали его: «Цикада, цикада! Кому дать?»

Подбежало ещё несколько ребятешек. У них-то никакой цикады не было.

«Цикада, цикада! Кому дать?»

Детей стало ещё больше.

«Дай мне! Дай мне!» — закричала девочка, приблизившаяся к счастливцу со спины. Мальчишка слегка повернул голову в её сторону, переложил фонарь в левую руку и с готовностью полез правой в траву.

— Вот!

— Ну дай, дай, пожалуйста!

Тут мальчик поднялся во весь рост и с победоносный видом протянул сжатый кулак. Девочка накинула верёвку от фонаря на левое запястье и обеими ладонками обхватила его кулак. Мальчик медленно разжал ладонь. Девочка ухватила насекомое большим и указательным пальцами.

— Ух ты!? Какая же это цикада! Это настоящий сверчок! — Глаза девочки засверкали при виде этой коричневой малости.

«Сверчок, сверчок!» — с завистью и разом закричали дети. «Настоящий сверчок!»

Девочка быстрым взгляд своих умных глазок на своего благодетеля, отцепила от пояса коробочку и положила туда сверчка. «Да, настоящий сверчок», — пробурчал мальчик. Он осветил лицо девочки чудесным красным фонариком — она с упоением разглядывала сверчка в коробочке, которую поднесла к самым глазам.

Мальчик пристально смотрел на девочку. Счастливая улыбка выдала его. Я же, наблюдавший всю сцену от начала до конца, только теперь понял его замысел и подивился собственной недогадливости. И тут мне пришлось удивиться ещё раз. Вы только посмотрите! Ни мальчик, ни девочка, ни глазевшие на них ребята ничего не замечали. А ведь на груди у девочки бледно-зелёным светом было чётко выведено — Фудзио. Фонарь, который поднёс мальчик к самой коробочке, находился совсем близко от белого платья девочки, и тень от прорезанных в картоне иероглифов его имени — Фудзио — ясно зеленела на её груди. Фонарь девочки болтался у неё на левом запястье. Красноватое пятно плясало у мальчика на животе, иероглифы подрагивали, но при желании можно было прочесть и имя девочки. Её звали Киёко. Ни Фудзио, ни Киёко не видели этой зелёно-красной игры света. Впрочем, была ли это игра?

Допустим, что эти дети навсегда запомнят, что Фудзио подарил Киёко сверчка. Но ни в каком сне Фудзио не увидит зелёные иероглифы своего имени на груди Киёко, а красные иероглифы «Киёко» — на своём животе; Киёко же не увидит на своей груди зелёных иероглифов «Фудзио», красных иероглифов своего имени на одежде мальчика...

Заклинаю тебя, мальчик: когда возмужаешь, скажи: «А вот цикада!» и подари Киёко сверчка. И пусть девочка скажет: «Неужели?» И ты, Фудзио, увидишь её радость, и вы оба улыбнётесь. И пусть снова скажешь: «А вот сверчок!» и подаришь ей цикаду. И Киёко разочарованно скажет: «Неужели?», и вы снова улыбнётесь.

И ещё. Хотя ты, Фудзио, достаточно сообразителен, чтобы копаться в листве поодаль от других, сверчка тебе не найти. Но ты можешь найти себе девочку-цикаду и думать, что она — сверчок. Но только в конце концов сердце твоё заволокут тучи, и в один из дней тебе станет казаться, что даже настоящий сверчок — это всего лишь цикада. Я же с сожалением подумаю, что ты не знаешь о том чудном зеленоватом сиянии своего фонарика, о том спасительном пятнышке света, затаившемся на груди у Киёко.